

Это был результат трудов Чу Шили, который провёл весь день на кухне, едва не выгнанный поваром. Он сам не попробовал ни кусочка, ожидая, пока Лу Линъе придёт и оценит его старания.

— Ну как? Вкусно?

Лу Линъе сглотнул, взял бокал вина и выпил его залпом, солгав:

— Вкусно. Этот вкус точно запомнится на всю жизнь. Обычный человек так не приготовит.

— Правда? Тогда я буду готовить для Айе каждый день, я...

— Нет.

Лу Линъе поспешно прервал его.

— Как говорится, благородный муж держится подальше от кухни. Руки Али созданы для игры на цитре, их легко поранить. Пусть этим занимаются слуги.

Чу Шили, услышав это, неохотно кивнул.

— Айе прав. Тогда, раз уж так, Айе должен ценить эту редкую возможность и съесть побольше.

Сказав это, он начал активно накладывать еду в его тарелку.

Лу Линъе, видя его энтузиазм, впервые почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Он мог только с трудом поднимать палочки и отправлять в рот одно странное блюдо за другим.

Чем больше он ел, тем труднее ему было сохранять спокойное выражение лица.

Наконец, он остановил руку Чу Шили, которая продолжала накладывать еду.

— Али, я сыт.

Чу Шили, увидев, что на столе осталось ещё много еды, но уже опустела половина бутылки вина, приблизился и посмотрел ему в глаза.

— Айе, у тебя плохое настроение?

Лу Линъе, который как раз думал, как объяснить ситуацию, услышав это, кивнул.

— Да, именно так. У меня плохое настроение.

Чу Шили наконец понял.

— Если нет аппетита, почему сразу не сказал? Не нужно было так напрягаться. Жаль, что весь этот ужин пропал зря.

— Не позволю, чтобы усилия Али пропали даром.

Лу Линъе улыбнулся, затем посмотрел за дверь.

— Ци Янь.

Ци Янь вошёл в комнату.

— Ваше высочество, я здесь.

Лу Линье указал на блюда на столе.

— Это Али приготовил сам. Выбросить жалко. Как раз вы трое ещё не ужинали, возьмите и съешьте.

Ци Янь сначала удивился, но, видя, что его господин даже в таких мелочах заботится о них, почувствовал теплоту в сердце.

— Благодарю, ваше высочество!

Когда блюда наконец убрали, Лу Линье тайно вздохнул с облегчением.

— Айе, что случилось?

Чу Шили взял его за руку, полный беспокойства.

Лу Линье подумал и решил не скрывать.

— Матушка хочет, чтобы я отправился на границу, на войну.

Чу Шили замер, сжал его руку. Это был первый раз, когда он услышал от Лу Линье о его матери.

Он опустил голову, молчал, а затем с усилием улыбнулся.

— С древних времён военная сила была ключом к успеху. Матушка, вероятно, хочет, чтобы Айе завоевал доверие армии. Самый быстрый способ — отправиться на войну, завоевать военные заслуги, чтобы увеличить шансы на успех в будущем...

Чу Шили говорил, но его голос становился всё тише.

В прошлой жизни Лу Линье никогда не отправлялся на войну. В этой жизни, хотя всё идёт к лучшему, но если что-то пойдёт не так...

Чу Шили не мог даже представить.

И, думая о долгой разлуке и поле боя, где царит смерть, его сердце сжималось от боли.

— А Айе? Ты согласился?

Лу Линье покачал головой.

— Я сказал матушке, что подумаю.

Он вздохнул.

— Али, сейчас в столице ситуация напряжённая, наследный принц может пойти на что угодно. Я беспокоюсь за тебя...

На самом деле, услышав, что он подумает, Чу Шили сразу понял, о чём он думает.

В конце концов, он просто беспокоился за него.

Но, подумав, он понял, что отправка Лу Линъе на границу сейчас может быть не такой уж плохой идеей.

После всех скрытых и явных махинаций против наследного принца Лу Шэнцзе, потерпев поражение, наверняка стал более осторожным, и теперь будет ещё труднее действовать против него. Более того, он может начать устраивать ловушки в тени.

Если отправить Айе на границу сейчас, это может смягчить текущую ситуацию и ослабить бдительность наследного принца.

Чу Шили улыбнулся.

— Айе, ты, конечно, понимаешь, что хочет матушка. Так что не о чём думать. Как я уже говорил, наследный принц не убьёт меня, а ты будешь далеко на границе, и он не сможет найти на меня управу.

Лу Линъе смотрел на него, но в сердце ему было не по себе. Он с усталостью опустил голову ему на плечо.

— Али, я устал...

Сюань-ван, который убивал всех на своём пути, впервые показал такую слабость перед ним. Чу Шили с сердечной болью погладил его по волосам и мягко сказал:

— Если Айе устал, то останься сегодня здесь и сразу ляг спать.

В темной комнате лишь слабый свет проникал через окно, освещая пол.

Чу Шили, слушая ровное дыхание спящего рядом человека, повернулся и погладил его красивое лицо.

Через мгновение он мягко поцеловал его в лоб и прижался к нему.

— Айе, я всегда буду с тобой.

А в соседней комнате.

Ци Янь и двое других сидели за столом, глядя на блюда и сглатывая слюну.

Цинъюй посмотрел на них.

— Может, начнём? Это же господин сам приготовил для его высочества. Нам действительно повезло.

Ци Янь улыбнулся, сначала положил еду в тарелку Цинъюя, затем себе.

И после первого укуса все трое обменялись взглядами, молча положили палочки.

Через мгновение Ци Янь смущённо улыбнулся, едва выговаривая слова.

— Это... это блюдо... вкусное, насыщенное. Мы не сможем всё съесть. Может, угостим стражу у ворот?

Цинъюй молча кивнул, Цинлинь тоже не возражал.

И так, пока Чу Шили спал в объятиях Лу Линъе, его «вкусные» блюда прошли через множество рук стражников в резиденции...

Через несколько дней Чу Шили сидел и с удовольствием изучал кулинарную книгу.

Хотя Айе беспокоился за него и не хотел, чтобы он готовил, но после того как он сказал, что блюда вкусные, он решил готовить и отправлять их прямо в резиденцию. Он хотел, чтобы Айе, находясь на границе, помнил его вкус.

Цинъюй, вспомнив вкус той ночи, содрогнулся и мысленно зажёл три благовония для желудка его высочества.

— Господин, вас кто-то ищет.

Цинлинь внезапно вошёл в комнату.

Чу Шили встал.

— Кто пришёл?

Прежде чем Цинлинь успел ответить, в комнату вошла женщина в простой одежде.

Чу Шили попытался вспомнить, но не смог узнать её. Он нахмурился.

— Простите, кто вы? Что вам нужно?

Женщина не ответила, а с достоинством помахала рукой, отпустив всех лишних, затем сняла шляпу и села.

— Так ты и есть возлюбленный Ера.

Чу Шили осмотрел её, и его взгляд стал жёстким, полным опасности.

Ер?

Как она смеет так его называть!

Женщина вдруг улыбнулась.

— Не смотри на меня так. Он сам мне сказал. Ах да, забыла представиться. Я — мать Ера.

— Ма... ма... ма...

Чу Шили замер, его голос дрожал, полный недоверия.

— Мать, — закончила за него Супруга Шу.

Она увидела, как его выражение лица стало растерянным, словно предыдущая жёсткость была лишь маской.

Как мило!

Супруга Шу подумала так, но на лице сохранила серьёзность.

Она посмотрела на Чу Шили, и её голос стал холоднее:

— Я пришла, чтобы посмотреть, кто же это такой, что смог так очаровать моего сына!

Чу Шили, услышав это, побледнел. Он стоял, как провинившийся ребёнок, с растерянностью в глазах.

Он вспомнил...

Мать Линье...

В прошлой жизни женщина, которую он косвенно погубил...

Более того, он вспомнил ту ночь, когда Лу Линье обнимал его и рыдал, вспомнил его поражённый взгляд на стены дворца и улыбку наследного принца, хвалящего его.

Лишь спустя долгое время Чу Шили узнал, что из-за одного незначительного сообщения, которое он передал наследному принцу, последствия оказались такими, что женщина, проведшая половину жизни в холодном дворце, встала на колени перед императором, чтобы своей жизнью спасти сына.

Теперь, когда Супруга Шу стояла перед ним, все эти воспоминания всплыли в его сознании, как кадры из фильма.

Соблюдены правила оформления прямой речи и системных элементов.

Специфические термины (Стража Тысячи Теней, Сюань-ван) сохранены как элементы мира.

Внутренние монологи оформлены «ёлочками» согласно правилам.

<http://bllate.org/book/16395/1485085>